

Санкт-Петербургское философское общество
Санкт-Петербургский государственный университет
Философский факультет
Кафедра философии и культурологии Востока
Научное общество студентов, аспирантов и молодых ученых
«Традиции Востока»

ПУТЬ ВОСТОКА

ОБЩЕСТВО. РЕЛИГИЯ. ПОЛИТИКА

Материалы XIII молодежной конференции
по проблемам философии, религии и культуры Востока

(22–24 апреля 2010 г.)

Санкт-Петербург
2011

В связи с этим предпринимается активная попытка взглянуть на национальную китайскую культуру уже через призму реалий современного мира. Учесть имеющиеся возможности и выработать новые подходы в конкурентной борьбе культур уже не только в рамках самого Китая, но и за его пределами.

При этом абсолютно не отвергается идея разумного порционного вливания и осмысления на китайский лад всевозможных инокультурных идей и веяний. А дополнительное усиление научно-образовательного качества населения с учетом ценностей и механизмов функционирования социалистического общества позволит еще больше повысить значимость китайской культуры в мире. Такая система симбиоза, ГАРМОНИЧНОСТИ очень характерна для китайского сознания и ее воплощение на практике в различных сферах жизни и способствует «перспективам великого **возрождения**»¹.

А. Э. Терехов (ИВР РАН)

КИТАЙСКИЙ ДРАКОН (ЛУН) КАК СИМВОЛ МИРОВОЙ ГАРМОНИИ

В Китае эпохи Хань 漢 (202 г. до н. э.–220 г. н. э.) дракон (лун 龍) мыслился существом божественным. Полемизируя с такими представлениями, известный мыслитель Ван Чун 王充 (27–102?) анализирует разнообразные причины, заставляющие людей видеть в драконе нечто сверхъестественное. Среди прочего, он выдвигает предположение, что «дракон считается божеством из-за того, что может то изгибать, то выпрямлять своё тело, то сохранять, то терять свою форму»².

Действительно, такого рода представления были в Древнем Китае весьма популярны. Одно из первых письменных упоминаний о подобных способностях дракона содержится в составленном в Чжаньго 戰國 (V–III вв. до н.э.) – начале Хань трактате «Гуань-

¹ Ху цзиньтао с XVII съезда КПК.

² Хуан Хуэй 黃暉. Лунь хэн цзяо ши 論衡校釋 (фу Лю Пань-суй цзи цзе 附劉盼遂集解) (Сверенный текст «Весов суждений» с разъяснениями (со сводным толкованием Лю Пань-суя)): В 4 т. Т. 1. Пекин, 2006. цз. 22. С. 292.

цзы», и уже там они предстают перед нами как проявление божественности луна:

Дракон живёт в воде и плавает, неся на себе [все] пять цветов, поэтому и является божеством. Хочет стать маленьким – делается подобным личинке шелкопряда, захочет стать большим – вмещает [в себя всю] Поднебесную, захочет подняться вверх – возносится к облачной дымке, захочет опуститься вниз – скрывается в глубоких источниках. [Он] изменяется вне зависимости от [определённого] дня, поднимается [в небо] и опускается [под воду] вне зависимости от времени года, и [потому] его называют божеством. Черепахи и драконы – это те, кто, скрываясь в тёмных местах, могут появляться и могут исчезать¹.

Впоследствии описание таких сверхъестественных способностей луна начинает кочевать из памятника в памятник, постепенно обрастая новыми подробностями, но при этом тяготея к определённому стандарту. Во времена Хань одним из первых о подобных умениях дракона упомянул Цзя И 賈誼 (201–169 гг. до н. э.), связавший их с качествами, которыми должен, по его мнению, обладать правитель². Ещё одно перечисление такого рода талантов луна приводит Лю Сян 劉向 (79–8 гг. до н. э.) в своём сочинении «Шо юань»:

Божественный дракон может подняться ввысь, а может опуститься вниз; может стать большим и может стать маленьким; может стать смутным и может стать ясным; может стать коротким и может стать длинным... то появляется, то исчезает...³

Тем не менее, Ван Чун не склонен считать эти умения луна сверхъестественными. Он, безусловно, признаёт их наличие: «Дракон как рептилия то появляется, то исчезает, становится то коротким, то длинным. Дракон как живое существо мгновенно изменяется, всё время пребывая в непостоянстве»⁴. Тем не менее, подобные

¹ Ли Сян-фэн 黎翔鳳. Гуань-цзы цзяо чжу 管子校注 (Сверенный текст «Гуань-цзы» с комментарием): В 3 т. Т. 2. Пекин, 2004. цз. 39. С. 827.

² Янь Чжэнь-и 閻振益, Чжун Ся 鍾夏. Синь шу цзяо чжу 新書校注 (Сверенный текст «Новой книги» с комментарием). Пекин, 2000. цз. 6. С. 230.

³ Сян Цзун-лу 向宗魯. Шо юань цзяо чжэн 說苑校證 (Критически сверенный текст «Сада словес»). Пекин, 1987. цз. 18. С. 457.

⁴ Хуан Хуэй. Лунь хэн цзяо ши 論衡校釋 (фу Лю Пянь-суй цзи цзе 附劉盼遂集解). Т. 1. цз. 7. С. 63. – Обычно именно так эту фразу и перево-

таланты не представляются ему чем-то необычным. Схожие способности он находит и у других представителей животного мира:

Гусеница шелкопряда ест [листья] тутовника, стареет, прядёт нить и становится коконом, а кокон превращается в бабочку. Бабочка получает два крыла и в результате изменений избавляется от [своей прежней] формы гусеницы. Личинка превращается в нимфу, а нимфа оборачивается цикадой; у цикады вырастают два крыла, и она [уже] не относится к тому же роду, что и личинка. [Существа] такого рода, как ползающие и летающие [рептилии и насекомые], в большинстве своём изменяют свою форму и преобразуют своё тело¹.

Тем не менее, подобный ход рассуждений едва ли оправдан. Талант к превращениям, которым наделялся дракон, считался божественным, вероятно, не просто так. Уже в трактате «Чжуан-цзы» Конфуцию, сравнивающему Лао-цзы с драконом, приписываются следующие слова: «Дракон, соединяясь, приобретает [определённую] форму, а рассыпаясь, становится сиянием; разъезжая на облачной дымке, парит среди *инь* и *ян*»². С одной

дят на современный китайский язык (Юань Хуа-чжун 袁华忠, Фан Цзячан 方家常. Лунь хэн цюань и 论衡全译 (Полный перевод «Критических суждений» [на современный язык]): В 3 т. Т. 1. Гуйян, 1993. С. 88; Ван Нин 王宁 (гл. ред.). Байхуа Чжу цзы цзи чэн 白话诸子集成 («Собрание разных мыслителей» в переводе на современный язык): В 2 т. Т. 2. Пекин, 1993. С. 1496). Однако Ян Бао-чжун приводит мнение Цю Си-гуя 裘錫圭, согласно которому отрицание *фэй* 非 в этой фразе стоит по ошибке вместо *ци* 其 («его, их») (Ян Бао-чжун 楊寶忠. Лунь хэн цзяо цзянь (Сверенный текст «Весов суждений» с комментарием): В 2 т. Т. 1. Шицзячжуан, 1999. цз. 7. С. 52, пр. 19). С учётом этой замены последняя часть фразы должна звучать немного иначе: «Дракон как живое существо изменяется мгновенно, но [в итоге] всегда возвращается к своей нормальной [форме]». В этом ключе перевёл данную фразу А. Форке (Lun-Hêng. Part I. Philosophical Essays of Wang Ch'ung / Transl., annot. by A. Forke. New York, 1962/ P. 327–328).

¹ Ян Бао-чжун 楊寶忠. Лунь хэн цзяо цзянь. Т. 1. цз. 7. С. 63.

² Го Цин-фань 郭慶藩. Чжуан-цзы цзи ши 莊子集釋 («Чжуан-цзы» со сводными объяснениями): В 4 т. Т. 2. Пекин, 1985ю цз. 14ю С. 525. В «Хань юй да цы дянью» иероглиф *ян* 養 («вскармливать») в данной фразе толкуется как использованный вместо *сян* 翔 («летать») (Ханьюй да цыдянь 漢語大辭典 (Большой словарь китайского языка): В 13 т. Т. 12. Шанхай, 1986–1994. С. 519).

стороны, в этой фразе содержатся представления о способности дракона к метаморфозам (он может, оказывается, «рассыпаться», а после этого – «соединяться» вновь), с другой – говорится о его связи с космическими началами *инь* и *ян*. Подобная двойственность не случайна: изменения в китайской культуре издавна воспринимались лежащими в основе мироздания, а *инь* и *ян* считались главными участниками этих космических изменений. Таким образом, уже в конце Чжаньго дракон начал связываться с лежащими в основе мироздания космическими процессами.

При Хань эта роль дракона получила своё развитие. Так, в словаре «Шо вэнь цзе цзы», составленном в I в. н. э., в описании способностей этого существа используются фразы, встречавшиеся ещё в «Синь шу» и «Шо юань»: там говорится, что лун «может стать смутным и может стать ясным; может стать крошечным и может стать огромным; может стать коротким и может стать длинным»¹. В то же время, ещё «Хуайнань-цзы» характеризует космический принцип Дао следующими словами: «сжатое, но может стать растянутым; смутное, но может стать ясным; слабое, но может стать сильным; мягкое, но может стать твёрдым»². Почти дословное сходство отдельных фрагментов этих двух описаний едва ли случайно. Создаётся впечатление, что первое из них (восходящее ещё к «Чжуан-цзы» и «Гуань-цзы») создавалось под сильным влиянием второго. Таким образом, процесс, начало которого отражено ещё в «Чжуан-цзы», при Хань дал вполне осязаемые результаты: дракон стал восприниматься как символ космических процессов и мировой гармонии.

Можно отметить и ещё одну особенность: если в «Гуань-цзы» говорилось о том, что дракон «поднимается [в небо] и опускается [под воду] вне зависимости от времени года», то в «Шо вэнь цзе цзы» специально оговаривается, что он «в весеннее равноденствие взмывает в небо, а в осеннее равноденствие прячется в пучине»³.

¹ Дуань Юй-цай 段玉裁. Шо вэнь цзе цзы чжу 說文解字注 («Толкование письмен и объяснение иероглифов» с комментарием). Шанхай, 1981. С. 582Б.

² Хэ Нин 何寧. Хуайнань-цзы цзи ши 淮南子集釋 («Хуайнань-цзы» со сводными объяснениями): В 3 т. Т. 1. Пекин, 1998. цз. 1. С. 3.

³ Дуань Юй-цай 段玉裁. Шо вэнь цзе цзы чжу 說文解字注. С. 582Б.

Таким образом, образ дракона наделяется «регулярностью», позволяющей ему стать символом регулярных природных процессов и ещё лучше соответствовать своей роли символа мировой гармонии и упорядоченности.

Следует отметить, что способности дракона к изменениям при Хань видели не только в его умении исчезать и изменять свою длину. Согласно некоторым данным, он умел превращаться в других существ. Так, например, в памятнике «Шо юань» содержится история о том, как лун однажды принял обличье рыбы:

Некогда белый дракон спустился в заброшенный омут и превратился в рыбу. Рыбак Юй Це попал стрелой ему в глаз. Белый дракон подал жалобу Небесному владыке. Небесный владыка сказал: «Как же ты в то время отбросил свой [истинный] облик? Белый дракон ответил: «Я спустился в заброшенный омут и превратился в рыбу». [Тогда] Небесный император сказал: «Рыба – то, во что всегда стреляли люди; а если так, то в чём же вина Юй Це?»¹.

Тем не менее, упоминания о подобных превращениях драконов для Хань крайне немногочисленны.

Намного больше число сообщений о превращении в драконов других существ. Так, ещё Чу Шао-сунь (47–7 гг. до н.э.) в своей интерполяции в «Ши цзи» приводит цитату из некоего «комментария» (чжуань 傳), где говорится, что «змея, превращаясь в дракона, не меняет узора своей [чешуи]»². О превращении в драконов собак и рыбьей икры сообщается в «Ле сянь чжуань»³.

Можно упомянуть и о «Драконовых вратах» (лун мэнь 龍門), позволявших рыбам превращаться в драконов⁴. Видимо, одним из

¹ Сян Цзун-лу 向宗魯. Шо юань цзяо чжэн 說苑校證. цз. 9. С. 237.

² Ши цзи 史記 («Записи историографа»): В 10 т. Т. 4. Шанхай, 1963. цз. 49. С. 1983.

³ Ван Шу-минь 王叔岷. Ле сянь чжуань цзяо цзянь 列仙傳校箋 (Сверенный текст «Жизнеописаний бессмертных» с комментарием). Пекин, 2007. цз. 2. С. 148, 161.

⁴ По крайней мере со времён Хань Драконовые врата (Лунмэнь) стали соотноситься с реальным местом. Порог Хуанхэ с таким названием расположен между уездом Хэцзинь провинции Шаньси и уездом Ханьчэн провинции Шэньси Лю Цин-чжу 劉慶柱. Сань Цинь цзи цзи чжу 三秦記

первых легенду о них записал некий господин Синь (*Синь ши* 辛氏) в своём сочинении «Сань Цинь цзи», дошедшем до нас лишь в извлечениях. Там рассказывается, что «Хэцзинь («Брод через [Жёлтую] Реку») иногда называют Драконовыми вратами. Большие рыбы тысячами собираются под Драконовыми воротами и не могут на них подняться; те же, кому [всё же удаётся] подняться, становятся драконами...»¹.

Описанные выше превращения драконов в других живых существ и наоборот также можно связать с ролью луна как символа мировой гармонии, однако в немного ином аспекте: он стал восприниматься как своеобразный «царь зверей». Дракон представлялся существом, сочетающим в себе черты многих других животных, и именно поэтому, вероятно, считался способным превратиться в любое из них². Что же касается возможности дру-

輯注 (Собрание [фрагментов] «Записей о трёх Цинь» с комментарием) // Сань Цинь цзи цзи чжу. Гуаньчжун цзи цзи чжу 三秦記輯注·關中記輯注 (Собрание [фрагментов] «Записей о трёх Цинь» с комментарием. Собрание [фрагментов] «Записей о [землях] внутри застав» с комментарием). Сиань, 2006. Цз. 5. С. 96, пр. 1.

¹ Там же. С. 94.

² Особенно многочисленны упоминания о такого рода превращениях уже в постханьских источниках (см.: *Фиссер М. В.* Драконы в мифологии Китая и Японии. М., 2008. С. 144–146). Интересно, что способностью к изменениям наделялись именно драконы-лун. Другие же драконы, например, *цзяо* 蛟, такими возможностями, по мнению древних китайцев, не обладали. Так, в трактате «Гуаньинь-цзы», составление которого относят к VIII–XI вв. н. э. (Духовная культура Китая. Т. 1: Философия. М., 2006. С. 204), сообщается: «Подобным луну и подобным *цзяо*, подобным змее и подобным черепахе, подобным рыбе и подобным устрице – таковым может стать лун. *Цзяо* же – это *цзяо*, да и только, он не может стать ни *луном*, ни змеей, ни черепахой, ни рыбой, ни устрицей. Совершенноумудрый человек – *лун*, [обычный] мудрец – *цзяо*» (*Вэнь ши чжэнь цзин* 文始真經 (Гуаньинь-цзы 關尹子) (Истинный канон о начале письмён (Гуаньинь-цзы)) // Чжу цзы цзи чэн бу бянь 諸子集成補編 (Дополнения к «Собранию разных мыслителей»): В 10 т. Т. 3. Сычуань, 1997. цз. 3. С. 10Б). Можно отметить, что все перечисленные в данном отрывке существа являются водными. Такого рода животные всегда считались наиболее близкими к дракону, который и сам, согласно расхожему мнению (см. Ч. I, гл. 2 дан-

гих животных стать драконами, то в этом, на мой взгляд, проявлялась идея причастности отдельных элементов мироздания к некоему целому, подобное причастности всего живого к Дао¹.

Именно в таком отношении к лунам можно увидеть истоки изложенного в «Хуайнань-цзы» представления о том, что четыре из пяти типов живых существ – пернатые, покрытые шерстью, чешуйчатые и закованные в панцирь – произошли от драконов². Впоследствии, когда дракон стал наделяться способностью превращаться и в человека³, его роль существа, воплощающего в себе все другие виды, стала ещё более важной.

Своё логическое завершение формирование этой ипостаси образа дракона получило уже во времена Сун 宋 (960-1279 гг.), когда связь дракона с мировой гармонией стала проявляться в его облике, выражаясь, в первую очередь, в виде ряда чисел. Тело луна стало делиться на три части («три позиции», *сань тин* 三停, от головы до груди, от груди до поясницы и от поясницы до хвоста)

ной работы), обитал в водоёмах. Кроме того, ещё к эпохе Хань относятся упоминания о том, что лунами могут стать даже неодушевлённые предметы: в «Хоу Хань шу», например, рассказывается о некоем Фэй Чан-фане 費長房, умевшем превращать в дракона свой посох (*Хоу Хань шу* 後漢書 (Книга [по истории династии] Поздняя Хань): В 12 т. Т. 10. Шанхай, 1973. цз. 82Б. С. 2744).

¹ В этой связи можно вспомнить мнение учёных, предполагающих, что образ дракона не восходит к какому-то одному реальному существу, а является комплексным и соединяет в себе черты множества животных, а возможно, также и явлений природы (см.: *Пан Цзинь* 庞进. Чжунго лун вэньхуа 中国龙文化 (Китайская культура дракона). Чунцин, 2007. С. 3–43; *Лю Чжи-сюн* 刘志雄, *Ян Цзин-жун* 杨静荣. Лун юй Чжунго вэньхуа 龙与中国文化 (Дракон и китайская культура). Пекин, 1992. С. 66–88).

² *Хэ Нин* 何寧. Хуайнань-цзы цзи ши 淮南子集釋. Т. 1. цз. 4. С. 371–372; см. также: *Кравцова М. Е.* История искусства Китая. СПб., 2004. С. 384; *Фиссер М. В.* Драконы в мифологии Китая и Японии. С. 69.

³ Способностью превращаться в человека лун стал наделяться сравнительно поздно, уже после Хань, и, очевидно, под влиянием буддизма, принесшего с собой представления об индийских нагах. Подробнее о превращениях драконов в людей см.: *Фиссер М. В.* Драконы в мифологии Китая и Японии. С. 143–144.

и девять частей, каждая из которых уподоблялась части тела какого-либо другого животного («девять сходств», *цзю сы* 九似). Так, у дракона должны были быть голова верблюда, рога оленя, глаза зайца (или, в более раннем варианте, духа-гуй 鬼), уши коровы, шея змеи, живот морского чудовища (*шэнь* 蟹), чешуя рыбы, лапы тигра и когти ястреба. То, что здесь присутствуют черты практически всех классов и отрядов живых существ – рыб, пресмыкающихся, птиц, диких и домашних животных, пребывало в согласии с упомянутым выше представлением о драконе как о «царе зверей».

Кроме этого, на каждой из его четырёх лап изображалось по пять когтей, а сам он представлялся покрытым 81-й чешуйкой¹. Все эти числа тесно связаны с космогонией: тройка ассоциировалась с тремя мирами или Небом, Землёй и Человеком, а также с началом *ян*, четвёрка – с четырьмя сторонами света, пятёрка – со сторонами света и центром, а девятка – с четырьмя сторонами, четырьмя полустронами света и центром, а также, как и тройка, с началом *ян*; число 81 воспринималось как девятка, помноженная на саму себя, т. е. как *ян* «в квадрате», а кроме того могло связываться с количеством *чжанов* 章 (глав) в «Дао дэ цзине»; помимо этого, каждое из этих чисел имело ряд других коннотаций². В результате дракон стал своеобразной моделью космоса, воплощающей в себе основные его характеристики.

Таким образом, можно сказать, что эпоха Хань сыграла в процессе превращения дракона в символ мировой гармонии крайне важную роль. Именно в это время сформировавшиеся уже в Чжаньго, а появившиеся, по-видимому, ещё ранее представления о способности дракона к метаморфозам получили широкую популярность и оформились в виде устойчивых формул, которые активно использовались в позднейшие эпохи.

¹ Там же. С. 73–74; *Пан Цзинь* 庞进. Чжунго лун вэньхуа 中国龙文化. С. 62–63.

² Подробнее о семантике упомянутых чисел см. *Кобзев А.И.* Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1994. С. 93–106.